

**Системно-институциональные истоки
коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве
(1830-е — начало 1860-х гг.)**

В.А. Должиков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Systemic and Institutional Origins
of Corruption in the Altai “Cabinet” Economy
(1830-s — Early 1860-s)**

V.A. Dolzhikov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Выявляются институциональные истоки беспрецедентной коррумпированности чиновников императорского Кабинета, управлявших хозяйственным комплексом Алтайского горного округа в 1830–1860-х гг. С привлечением неизвестных ранее документальных материалов установлены факты злоупотреблений властью конкретными высокопоставленными чиновниками. Как пример, подчеркивающий коррумпированность бюрократии Кабинета, использовано архивное дело об убийстве супругой статского советника, главного окружного врача Ф.В. Геблера дворовой горничной. Среди причин, обусловивших масштабное распространение коррупции в регионе, выделяются: деспотическая, «опричная» специфика института самодержавной властесобственности в Российской империи, дистанционный характер подсистемы бюрократического управления региональной экономикой, произвол кабинетского начальства в отношении бесправного подвластного населения Русского Алтая. На основе исследовательского анализа документов сформулирован вывод о системно-институциональной сущности коррупции в Алтайском горном округе рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Алтай, институциональная коррупция, бюрократия, императорский Кабинет, золотопромышленность, опричнина.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-15

Институциональная коррупция [1], проникавшая во все слои бюрократии Кабинета его императорского величества, — это факт, достоверность которого подтверждают как исследователи (см., например: [2, с. 45–49]), так и очевидцы. По личным наблюдениям информированного современника, для каби-

The article identifies the institutional origins of unprecedented corruption of the officials of the Imperial Cabinet who ran the economic complex of the Altai mining district in the 1830s–1860s. With the use of previously unknown documentary material, the facts of power abuses by the specific senior officials are revealed. The archival case of the murder of a yard maid committed by the wife of the State Councillor, Chief District Doctor F.V. Gebler is used as an example of the corruption of the bureaucracy in the Cabinet. Among the reasons for the large-scale spread of corruption in the region, the author highlights the following: a despotic specifics of the Institute of power and property in the Russian Empire, a remote nature of the bureaucratic management subsystem of the regional economy, and the arbitrariness of the authorities in relation to the disfranchised and subservient population of the Russian Altai. The conclusion on the systemic and institutional nature of corruption in the Altai mining district during this period is made on the basis of the research analysis of the documents.

Key words: Altai, institutional corruption, bureaucracy, Imperial Cabinet, gold mining, oprichnina.

нетских коррупционеров «главная задача состояла в том, чтобы как можно более затруднить крестьянам отбывание заводских работ и чрез это собирать с них больше денег за фиктивно отбываемые работы». Данный способ незаконного присвоения денежных средств был вполне сложившейся «системой, давав-

шей возможность дельцам наживать громадные капиталы» [3, с. 15]. Вспоминая о своем путешествии по Алтаю, автор бестселлера «Сибирь и ссылка» Джордж Кеннан сообщает о знакомых ему начальниках в Барнауле, которые, «получая 2–3 тысячи рублей годового жалованья, имели «доходы» в 100 и более тысяч». Они «платили гувернантке-француженке свое годовое жалованье, французу-повару — вдвое больше, а свое грязное белье отправляли для стирки по почте в Париж» [4, с. 44]. О беспрецедентной коррупции в Алтайском горном правлении писали также М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Г.Н. Потанин и В.Д. Скарятин (подробнее см.: [5, с. 41–43, 90–93; 6, с. 207–214; 7, с. 48–55; 8, с. 41–46; 9, с. 130–142; 10; 11, с. 254; 12, с. 614–617]).

В период первой для истории России политической «оттепели» (1856–1861 гг.) масштабные злоупотребления властью со стороны чиновников Кабинета получили широкую огласку. Высокопоставленными алтайскими коррупционерами заинтересовалась, что само по себе примечательно, тогдашняя политическая полиция — III Отделение. По просьбе вновь назначенного на должность томского губернатора А.Д. Озерского начальник VIII округа корпуса жандармов Я.Д. Казимирский отправил в Барнаул обер-офицера Герасимова со специальной миссией, чтобы выявить «факты противозаконного обогащения служащих по Алтайскому горному ведомству». Правда, сам генерал Казимирский отмечал в письме А.Е. Тимашеву от 2 июня 1858 г., что «всякое формальное исследование по этому предмету» вряд ли будет результативным, «... потому, что никак не раскроет тайн внутренней администрации Барнаульского Округа, весьма хитро и математически сложенных и поддерживаемых в С.-Петербурге теми лицами, до коих это дело касается» [13, л. 1об.].

За время своей двухмесячной командировки жандармский подполковник разузнал о чиновном мире Барнаула много чего интересного. В своем служебном рапорте от 20 марта 1859 г. он приводит собранные сведения о коррупционных «подвигах» бывшего начальника Алтайских заводов А.Р. Гернгросса, в том числе описывает «безумную роскошь» и демонстративно дорогие наряды его супруги, которые выписывали по почте из Парижа. «Вредное влияние ее на общество и даже на служебные дела, — сообщает Герасимов своему шефу, — усугублялись тем, что муж ее состоит в ее полном и раболепном расположении — раздача мест, производств[о] в чины, назначение к другим наградам состояли под ее влиянием». Попутно устанавливались протекционные связи этого крупного чиновника с высокопоставленными покровителями в столице. «Поддержкою Гернгроссу, — как выяснил офицер жандармского ведомства, — служит родной брат его Директор департамента Горных и соляных дел генерал-майор Гернгросс

и член Кабинета Е.И.В. генерал-майор Соколовский, бывший долгое время начальником Алтайских заводов и наживший огромный капитал» [13, л. 11–13об.].

Фигурирующий до сих пор в отечественной исторической регионалистике лукавый эвфемизм «кабинетское землевладение» существенным образом искажает специфику института собственности на землю и природные ресурсы в Алтайском горном округе. В отличие от некоторых уважаемых авторов местные чиновники хорошо знали, кто являлся реальным владельцем и монопольным хозяином богатств региона. «Земли и воды Алтайского горного округа по 1690 и 1801 ст. VII свода законов Устава Горного, изд. 1857 г., — специально разъяснялось в циркулярном письме Алтайского горного правления за № 289 от 24 мая 1861 г., адресованном земскому управителю Енисейской волости Бийского округа (уезда), — составляют *частную собственность Государя императора* и, на основании 1860, 1891 и 1892 статей того же тома, *управляются Алтайским горным местным начальством*» (выделено мной. — В.Д.) [14, л. 40–41]. Иначе говоря, настоящим монополистом-олигархом, персонифицирующим традиционный для отечественного государства институт верховной «властесобственности» (см. об этом: [15, с. 62]), являлся правящий на тот момент российский император. А должностные служебные обязанности коллегиального управляющего всем гигантским хозяйственным комплексом исполняла корпорация чиновников Кабинета его императорского величества, строго подчиненных по иерархии непосредственно монарху [16, с. 54–57, 76–78].

Есть основания утверждать, что именно здесь, на территории Русского Алтая, в XVIII–XIX вв. был воссоздан и укоренен типологически свойственный режиму имперского самодержавия политико-экономический институт «опричнины» (от старорусского «опричь» — особо, отдельно, кроме). «*Сущность опричнины, — по верной оценке А.А. фон Бринкмана, — как управления страной через чуждых ей и близких ко двору лиц, — управления, в котором усмотрение попечительной власти ставится выше твердых указаний закона, а голос народа заранее подозревается в крамоле против этой попечительной власти, — эта сущность осталась и определяет историю России вплоть до настоящего времени*» (курсив автора цитаты. — В.Д.) [17, с. 111, 114]. Первым эту идею, как известно, во второй половине XVI в. попытался осуществить (без видимого успеха) московский государь Иван IV Грозный. Позднее опричный проект заново инициировал Петр I, которому, тем не менее, полностью завершить строительство данной системы не удалось.

В том же самом направлении продолжали действовать его преемники. Наконец, после успешного дворцового переворота незаконнорожденная дочь

Петра I и М.С. Скавронской — Елизавета — в 1747 г. банально присвоила все алтайские земли и ресурсы. Таким образом, с помощью насилия был основан алтайский частновладельческий «майорат, украденный у государства» (определение А.И. Герцена) [18, с. 721–722]. Впоследствии богатствами территории для укрепления своей власти воспользовалась германская по происхождению Голштейн-Готторпская династия, правившая в Российской империи до 1917 г. под псевдонимом «Дом Романовых». Замечу особо, что в исследовательской литературе доминирует официальная концепция, камуфлирующая и оправдывающая весь этот явный произвол. Согласно вышеупомянутому историографическому канону, земли и природные богатства Русского Алтая во второй половине XVIII — начале XX в. якобы находились в собственности особого ведомства — Кабинета Е.И.В.

Многие современные исследователи считают Российскую империю XVIII–XIX вв. государством «вотчинного» (т. е. *de facto* европейского, феодального) типа, повторяя в этом смысле известную дефиницию Р. Пайпса [19]. На мой же взгляд, подобное определение маскирует восточно-деспотическую и тоталитарно-крепостническую специфику отечественной государственности.

Намного ближе к реалиям, полагаю, выразительная характеристика, сформулированная идеологами народничества — М. Бакуниным и А. Герценом, которые именовали политический режим Российской империи «*германизированным Чингисханом*», подчеркивая тем самым полуазиатскую, «опричную» его сущность (подробнее см.: [20, с. 10–13]). Примерно так же, хотя с несколько других идейных позиций определяли генотип имперского режима русские мыслители-евразийцы. «И главный вывод, который они для себя сделали, — констатирует А.А. Синева, — российская государственность является прямой наследницей государственности Чингисхана» [21, с. 77].

Вотчина — это *легитимная* [22, с. 61–67], наследуемая по мужской и обязательно прямой нисходящей генеалогической линии *форма частно-семейной собственности*, которая передавалась от одного лица к другому в соответствии с эталонными традициями русской (боярской) феодальной аристократии. Государственно-вечевой уклад «вотчинного» типа в домонгольскую эпоху был органичным элементом земской системы государственного управления и гражданского местного самоуправления. Именно в этом своем качестве «вотчинный» уклад вместе с «земщиной» и градской «слободанщиной» противостоял «опричнине», являясь ее прямым антиподом [23, с. 469]. С демократической точки зрения, опричнина как государственный институт незаконна, поскольку не обладает даже частичной, формально-юридической санкцией со стороны главенствующего субъекта права и учредительной власти — самого народа или хотя бы

со стороны высшего элитного слоя, представляющего общенародные интересы. Сама институциональная природа опричной «властесобственности» никак не связана с вотчинным традиционным правом. Главный источник ее формирования и последующего укрепления — это абсолютный произвол верховной власти, уничтожившей аристократические и этнократические традиции земского сообщества «лучших людей» (*народной элиты* в собственном смысле этого словосочетания).

Легитимность преемников Петра I (Петра Алексеевича Романова) представляется вообще-то крайне сомнительной. Полагаю, что после преждевременной смерти единственного в XVIII в. законного наследника русской верховной власти — Петра Алексеевича Романова II — в результате целой череды так называемых дворцовых переворотов, юридическое право на верховную власть и, соответственно, на любую вотчинную или родовую фамильную собственность Дома Романовых стало ничтожным и было полностью утрачено. Все это привело к насильственной подмене династии, а в конечном итоге, в XIX — начале XX столетий престол в Российской империи занимали настоящие самозванцы «сверху» — монархи чужестранной фамилии Голштейн-Готторпских (лже-Романовы). Недаром же они панически боялись публичного обсуждения крайне опасного вопроса о легитимности своих прав на верховную власть и собственность российской короны.

Исследователи Алтая «кабинетской» эпохи склонны идеализировать нравственный облик тех представителей горнозаводского начальства, которые, что бесспорно, внесли значительный вклад в развитие региональной экономики, науки и техники. Но при этом очень многие из них вполне могли быть одновременно коррупционерами и крепостниками, относившимися к подвластному населению как рабочему «быдлу».

В подтверждение своих оценок сошлюсь на нелицеприятные факты, которые зафиксированы в документе, который случайно выявлен мной в Государственном архиве Томской области. Это материалы начатой в 1838 г. служебной переписки между чиновниками губернского правления и Барнаульского окружного суда по делу «дворовых девок Авдотьи Чернегиной и Настасьи Скорняковой о жестоком будто бы обращении с ними госпожи их Эберт» [24]. Самая характерная, пожалуй, особенность источника состоит в том, что последняя из этих персоналий упоминается лишь на обложке (!) документа. На самом же деле в нем фигурирует другая и притом хорошо известная фамилия, исторически связанная с Алтаем, а именно — *Геблер*.

Действительно, переписка двух инстанций отложилась в связи с полицейским расследованием обстоятельств смерти одной из служанок супруги зна-

менитого ученого, члена-корреспондента Российской Академии наук, статского советника Ф.В. Геблера — А.С. Геблер (в девичестве Зубаревой) [25, с. 101; 26, л. 21–30].

Из материалов дела следует, во-первых, что в постоянном распоряжении этой семьи находились около двадцати русских приписных крестьян и крестьянок, обращенных незаконно и по произволу в полностью зависимых дворовых людей. Во-вторых, госпожа Геблер вела себя точно так же, как и небезызвестная помещица Салтыкова, жестоко истязала прислугу, в частности, девушек-горничных. Одна из ее жертв — Чернегина Варвара — «померла от непомерных побоев, производимых госпожою Геблер» (выделено мной. — В.Д.). Однако попытки разбирательства по этому делу, предпринятые барнаульским городничим и окружным судьей, были впоследствии пресечены вышестоящим начальством. Об этом, в частности, свидетельствует упоминавшаяся мной фальсифицированная обложка документа.

Но и градская полиция делала все, чтобы скрыть уголовное преступление супруги крупного кабинетского чиновника. В рапорте судьи отмечалось, что так и не было проведено «должных розысканий в отношении постигшей дворовую женку Чернегину смерти». Хотя сам факт убийства подтверждали несколько свидетелей: муж покойной С. Чернегин, «заводского ведомства служители» С. Соколов и Э. Белых, унтер-шихтмейстер М. Третьяков и другие лица, находившиеся «при дворе г. Геблера» [25, л. 19–19об.]. Неудивительно, что жестокие издевательства над прислугой в семье продолжались. Уже в январе 1839 г. в градскую полицию Барнаула обратилась с просьбой о защите дворовая девушка Татьяна Ткачева (22 лет). Она «жаловалась словесно, — пишет в своем рапорте городничий Мурзин, — что *г-жа ее Геблер наносит ей безвинно жестокие побои*, так что их переносить более никак не может; почему и просила доставить ей защиту...» (выделено мной. — В.Д.). По словам Грачевой, «она решительно нейдет к госпоже своей и не будет жить у ней в доме, служить и повинываться». А в том случае, «если пошлют ее в дом г-жи Геблер усиленно, то она непременно лишит жизни тое госпожу свою, или созжет дом их, и потом явится с повинною не в Барнаульскую уже полицию, но инде, к высшему Начальству». Правда, свое обещание Т. Грачева так и не выполнила. Хотя, согласно более позднему по времени ее заявлению в Барнаульском суде, сама она жалела «о том, что не могла зарезать госпожу Геблер и за то лучше бы понесла законное наказание и тем бы прочих освободила от жестоких истязаний» [25, л. 41–41об., 57об.]. Безнаказанность способствовала тому, что А.С. Геблер продолжала истязать своих слуг. В конце концов некоторые из них, доведенные до крайней степени отчаяния, были вынуждены сбежать из дома Геблеров [25, л. 3, 103].

Представители городских властей Барнаула сочувствовали несчастной девушке, но помочь ей никак не могли. «... *Господин и госпожа Геблер имеют неудовольствие к здешней полиции и, особенно, городничему (!)*, — читаем в вышеназванном рапорте, — *то по сему предмету здешняя полиция не может уже производить следствие* и всю переписку представляет при сем Томскому Губернскому Правлению...» (выделено мной. — В.Д.) [25, л. 41об. — 57об.]. Ф.В. Геблер оказался намного более влиятельным человеком. У него нашлись высокопоставленные покровители в Томске, а, может быть, и в самом Петербурге. По этой причине уголовное преступление, которое совершила его супруга, осталось не расследованным и безнаказанным.

Стоит ли удивляться тому, что и сын их — Н.Ф. Геблер повел себя в точности так же, как его родители. Находясь на службе в должности Ояшенского земского управителя, он оказался «под следствием по жалобе крестьянина Чингизской волости Иконникова». Геблер-младший, согласно постановлению Алтайского горного правления от 18 октября 1850 г., был «предан военному суду в Барнаульской комиссии с отрешением от должности» [26, л. 1об.–6, 7об.–8]. Что ж тут удивляться: ведь «яблоко от яблони недалеко падает!». Правда, всего через год, 28 декабря 1851 г. он вновь принят на службу в губернский центр. Поначалу Н.Ф. Геблер «определен секретарем Томской горной конторы», а 14 мая 1853 г. «командирован был за отводом площадей под золотосодержащие прииски частных промышленников». Иначе говоря, явно по протекции начальства округа и губернии он устроился на весьма доходную по тому времени должность [26, 8–8об.].

Именно вокруг алтайского золота и серебра концентрировались стратегически важные финансовые интересы правящей верхушки режима. Но в легальной российской публицистике даже периода «оттепели» и «гласности» (1855–1862 гг.) материалы критического характера о злоупотреблениях горнозаводского начальства своими властными полномочиями найти практически невозможно. Ведомственная цензура не пропускала в печать информацию такого рода. Но это и понятно. «Куда уходили накопленные сибирским трудом капиталы, можно судить по тому, что в столицах растрчивались миллионы — справедливо замечает Г.Н. Потанин, — ...покупались дворцы в Париже, виллы в Италии, но Сибири ничего не доставалось. Все вывозилось и проживалось вне края» [10]. Благодаря караванам драгоценного металла, отправлявшимся регулярно с заводов Алтая на столичные монетные дворы, императорская фамилия и приближенная к ней сановная бюрократия могли безбедно существовать даже в условиях глубоко системного кризиса [27, с. 117–118].

Итак, «алтайский вопрос» являлся действительно ключевым для функционирования традиционных институтов господствующего режима. Приведенные

выше фактические данные позволяют, во-первых, установить наиболее существенные черты специфического менталитета региональной кабинетской бюрократии — воспроизводство на собственной социогенетической основе, тотальную коррумпированность, внутрикорпоративную солидарность, сословную замкнутость и тому подобное. Во-вторых, среди множества факторов, обусловивших феномен широкомасштабного распространения традиционной коррупции в регионе, заметно выделяется деспотическая, «опричная» специфика базового института самодержавной властесобственности в Российской империи.

В-третьих, дистанционный характер подсистемы бюрократического управления региональной экономикой служил весьма благоприятной почвой для жестокого угнетения и произвола со стороны кабинетского начальства в отношении бесправного подвластного населения Русского Алтая. Поэтому на основе исследовательского анализа выявленных документов можно сформулировать вывод о системно-институциональном характере коррупции в «кабинетском» хозяйстве рассматриваемого периода.

Библиографический список

1. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. — М., 2000.
2. Ведерников В.В. Повседневная жизнь алтайской горной корпорации в воспоминаниях английских путешественников Дж. Кокрена, Ч. Котрэла и Л. Аткинсон // Известия Алт. гос. ун-та. — 2011. — № 4/2 (72).
3. Бергал. Горная исповедь (из жизни сибирских заводов) // Восточное обозрение. — 1882. — № 19.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. — СПб., 1906.
5. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). — Новосибирск, 1993.
6. Должиков В.А. Социологическая заметка М.А. Бакунина «Алтайцы» (1858 г.) // Образование и социальное развитие региона. — 1999. — № 1–2.
7. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» 1850–1860-х гг. — Барнаул, 2000.
8. Должиков В.А. Институциональные истоки коррупции в «кабинетском» хозяйстве Алтайского горного округа (1830-е — начало 1860-х гг.) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. : сборник научных трудов. — Вып. 4. — Томск, 2012.
9. Паршукова Н.П. Сибирь на страницах «Колокола» // Актуальные вопросы истории Алтая. — Барнаул, 1980.
10. [Потанин Г.Н.]. Золотопромышленный кризис // Восточное обозрение. — 1892. — № 12. — 17 июня.
11. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. — СПб., 1908.
12. [Скарятин В.Д.]. По делу иркутской дуэли // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. — 1860. — Вып. III. — 15 июля. № 73–74.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 109. 3-е Отделение. 1-я экспедиция. — Оп. 33. — Д. 184.
14. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 163. Гуляев С.И. — Оп. 1. — Д. 57.
15. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М., 2006.
16. Очерки истории Алтайского края. — Барнаул, 1987.
17. Бринкман А.А. фон. Неполномощные законы. К психологии русской исполнительной власти // Политические исследования. 2006. № 1.
18. [Б.а.]. Императорский Кабинет и Муравьев-Амурский // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. — 1860. — Вып. III. — 15 июля. № 87–88.
19. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М., 1993.
20. Должиков В.А., Усольцев А.В. Русские демократы-народники о статусе Алтайского горного округа в системе имперского крепостничества // Известия Алт. гос. ун-та. — 1997. — № 2.
21. Синева А.А. Н.С. Трубецкой об идее влияния монгольско-татарского фактора на развитие русской государственности // История и теория политической науки : сборник статей. — Вып. 2. — Барнаул, 2009.
22. Ширабокова Е.В. Методология легитимности власти // История и теория политической науки : сборник статей. — Вып. 4. — Барнаул, 2011.
23. Отечественная история : энциклопедия. — М., 1994. — Т. 1.
24. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 10. — Д. 1098.
25. Энциклопедия Алтайского края. — Барнаул, 1996. — Т. 2.
26. ГААК. — Ф. 2. Алтайское горное правление. — Оп. 4. — Д. 3822.
27. История Алтая. — Барнаул, 1983. — Ч. 1.